

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
I.U.A. VINOGRADOV

КЕРЧЕНСКИЙ МУЗЕЙ И ИМПЕРАТОРСКИЙ ЭРМИТАЖ¹

THE KERCH MUSEUM AND THE IMPERIAL HERMITAGE

Историю музейного собрания Эрмитаж обычно начинают с 1764 г., когда для Екатерины II были доставлены картины из Берлина [Пиотровский, 2000, с. 21], вскорости в нём стали появляться произведения античного искусства, приобретённые за границей: древние бронзы, геммы, мраморная скульптура и т.д. [Пиотровский, 1981, с. 67; 1990, с. 20; Неверов, 1990, с. 171]. Масштабная программа по завоеванию причерноморских земель тогда ещё только начиналась. Керчь и Еникале были включены в состав Российской империи по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г., а весь Крым, также земли Прикубанья вместе с Таманским полуостровом отошли к ней в 1783 г. Только тогда оба берега древнего Боспора Киммерийского оказались во владении российской администрации, а в просвещённом обществе России появился интерес к расположенным здесь памятникам классической культуры.

Первое крупное археологическое открытие на Боспоре, как показала И.В.Тункина, произошло не позднее 1793 г. [Тункина, 2002, с. 564]. Генерал Ван дер Вейде раскопал тогда в одном из больших курганов некрополя Фанагории весьма любопытную гробницу [Clarke, 1816, p. 70–73; Montpréaux, 1843, p. 76–78; Гёрц, 1876, с. 5–8; Ростовцев, 1913–1914, с. 112; Кузнецов, 2010, с. 439], которую, судя по описаниям, можно отнести к типу так называемых «македонских» и датировать III в. до н.э. [Виноградов, 2014, 2017а, с. 182–196]. Почти все ценные находки отсюда были расхищены, но один золотой браслет с головками драконов на концах всё-таки попал в Эрмитаж через 61 год после открытия [Власова, 2010, с. 199]. Правильная атрибуция этой находки, однако, была произведена совсем недавно [Тункина и др., 2018а; 2018б].

В 1804 г. Е.Е. Кёлер провёл небольшие раскопки на Таманском полуострове. Тогда около Ахтанизовского лимана был обнаружен так называемый памятник Комосарии – пьедестал с надписью [КБН. 1015] и две скульптуры, созданные, скорее всего, местным скульптором [Розанов, 1949; Иванова, 1961, с. 17, 66; Тункина,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

2002, с. 570–572]. Надпись и одна из скульптур поступили в Эрмитаж.

Если обращаться к памятникам Керченского полуострова, то следует признать, что первое крупное археологическое открытие, естественно, из известных нам, было сделано здесь в 1821 г. Тогда под Керчью был раскопан и разграблен курган, вошедший в научную литературу под названием «Курган Патиниоти». Его разрыли матросы, находившиеся под командованием капитан-лейтенанта Н.Ю. Патиньоти, начальника гребной флотилии [Blagamberg, 1822; Сансе, 1889; Ростовцев, 1925, с.386–388; Яковенко, 1974, с. 65; Тункина, 2001; 2002, с. 547–552]. Этот, по верному выражению М.И. Ростовцева, «более бедный двойник Куль-Обы» [Ростовцев, 1925, с. 387], содержал склеп, погребение в котором было совершено около середины IV в. до н.э. [Брашинский, 1965, с. 105; Виноградов, 2005, с. 271; 2014, с. 164]. К большому сожалению, ни одна из обнаруженных здесь вещей не досталась археологам.

Количество находок, относящихся ко времени классической древности, на берегах Керченского пролива возрастало, и этот процесс было необходимо поставить под государственный контроль. Важным шагом в этом направлении, как известно, стало создание Керченского музея древностей в 1826 г. [Марти, 1926; Тункина, 2002, с. 220–221]. Этот шаг следует признать абсолютно своевременным, поскольку очень скоро (1830 г.) было сделано открытие, которое принято считать поворотным моментом в истории боспорской археологии и всей российской археологической науки в целом, – это открытие в кургане Куль-Оба [Калашник, 1993, с. 70; Тункина, 2002, с.167; Виноградов, 2010а]. В данном случае имеет значение не просто грандиозность обнаруженных сокровищ, что само по себе важно, но и имевшие место последствия этого события. Прежде всего, после открытия Куль-Обы император Николай I потребовал «все найденные в земле близ Керчи редкости и прочие вещи, находящиеся теперь в ведении керчь-еникальского градоначальника, вытребовать в С-Петербург» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 5]. Это распоряжение, конечно, было исполнено самым неукоснительным образом, так что в Керченском музее от куль-обинских сокровищ остались лишь два больших медных котла, обломки перержавевшего оружия, полуистлевшие доски и другие мелкие предметы, которые предполагалось передать в Одесский музей и другие «отечественные хранилища древностей» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 13].

Как известно, находки из Куль-Обы были доставлены в Петербург Д.В. Карейшей. В марте 1831 г. из Министерства императорского двора в Министерство внутренних дел поступило письмо, в котором указывалось, что Д.В. Карейше необходимо выдать 2000 руб. для проведения раскопок «с тем, чтобы он все находимые им вещи и отчет в издержках, кои будут сделаны при прииске тех вещей, доставлял ко мне (т.е. министру Императорского двора – Ю.В.) в С-Петербург; наблюдение же за возлагаемым на него поручением иметь керченскому градоначальнику Стемповскому» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 13].

И.А. Стемповский, сыгравший важную роль в развитии боспорской археологии [Тункина, 2000; 2002, с. 120, 126–134], составил для Д.В. Карейши особое предпи-

сание, в котором, в частности, требовал принять меры против незаконных искателей древностей, а всем древним вещам, найденным на законном основании, «тотчас составлять описи и присылать ко мне вместе с вещами для хранения» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 47–48].

В отношении Керченского музея важное решение (точнее, положение) было принято Комитетом министров Российской империи 31 июля 1834 г. (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 152, л. 13–14). В нём, в частности, говорилось:

«Все дорогие и заслуживающие особенного внимания древности по требованию Министерства внутренних дел отправляются в С-Петербург к министру Императорского двора. <...>

Объявить всенародное известие, что никто без дозволения местного начальства не имеет никакого права искать древности на землях казённых и общественных. <...>

Что касается земли частной, то возобновить объявление, что если кто найдёт какие-нибудь древние вещи и представит оные начальству, то получит денежное вознаграждение».

Этот документ определил главные правила, связанные с поиском боспорских древностей, чему придавалось по-настоящему государственное значение. На проведение раскопок под Керчью правительство стало выделять немалые средства [Тункина, 2002, с. 167, 226]. Директор Керченского музея А.Б. Ашик и чиновник Д.В. Карейша включились в бессистемную гонку за древними сокровищами, раскапывая ежегодно десятки курганов по обоим берегам пролива [Тункина, 2002, с. 184–186]. В столицу ежегодно стали поступать обнаруженные ими произведения классического прикладного искусства.

В предисловии к «Древностям Боспора Киммерийского» [СПб, 1854 г.] Ф.А. Жиль писал, что античные древности были собраны в Эрмитаже за последние 25 лет. По его словам, согласно императорскому постановлению, все археологические драгоценности поступали почти исключительно в этот музей, «а в Керченском приказано оставить только двойные экземпляры их и те вещи, которые не могут быть перевозимы» [ДБК, с. 6].

В своих записках о путешествии по Кавказу и Крыму Ф.А. Жиль по этому поводу отметил почти то же самое: «Уже давно по высочайшему указу решено, что античные предметы, обнаруженные в курганах побережья Босфора, будут доставляться в Петербург. Керченский музей был лишь временным хранилищем: он должен был хранить лишь копии и предметы, по характеру своему нетранспортабельные. Музей Эрмитажа должен был в конечном счёте собрать эти сокровища» [Жиль, 2009, с. 264].

Керченские власти, естественно, просили столичных чиновников, чтобы им было дозволено оставить для Керченского и Одесского музеев кой-какие ценные находки, а часть их разослать в другие «отечественные хранилища древностей» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 13 об. – 14], но в С-Петербурге эти просьбы не всегда находили понимания. За археологическими открытиями в Керчи внимательно сле-

дил сам Николай I, он же определял, какие из предметов должны поступить в эрмитажное собрание, а какие нет. В этом отношении приведу несколько документов.

В декабре 1833 г. в Министерстве императорского двора был получен рапорт о том, что в ноябре на покатоности хребта Митридат под Керчью была открыта гробница, в которой найдены два остова усопших, положенные в кипарисовый гроб хорошей сохранности. В их головах стояли две простые амфоры, в ногах были уложены два алабастра, металлическое зеркало, чернолаковая чашечка «прекрасной формы» и краснофигурная ваза, на которой сохранились «явственные следы позолоты и маслянистой краски, коею мантии изображённых на оной фигур были покрыты» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 17, л. 2–4]. Решение петербургского начальства было однозначным: «Государь император, рассмотрев всеподданнейшую докладную записку, <...> высочайше повелеть изволил прислать сии древности и вазу в Эрмитаж» [там же, л. 5]. Потом оказалось, правда, что гробниц было раскопано две и перечисленные вещи не были найдены вместе, к тому же из управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, где получили 5 ящиков с древностями из Керчи, было сообщено, что «найденные при открытии означенных гробниц большие глиняные, весьма простые сосуды или амфоры, по неудобности к пересылке и по незначительности их, оставлены в Керченском музее» [там же, л. 7 об.]. Судьба этих амфор, в общем, никого не взволновала, а 5 ящиков были благополучно доставлены в столицу.

В марте 1834 г. в С-Петербург было доложено о находке в одном из курганов под Керчью (вероятно, около древнего Нимфея) прекрасной бронзовой вазы, содержащей жжёные кости покойного. По мнению керчь-еникальского градоначальника, «сия древняя редкость <...> должна остаться для украшения Керченского музея, ибо в случае пересылки она в пути совершенно уничтожится, быв (т.е. будучи – Ю.В.) в некоторых местах весьма ветха и сделана из тончайшего слоя бронзы» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 28, л. 1]. В столице империи по этому поводу придерживались совсем другого мнения. Вскоре в Министерство внутренних дел был спущен следующий циркуляр: «Государь император, изъявив желание видеть оную <вазу>, высочайше повелел послать в Керчь чиновника Эрмитажа с тем, чтобы он уложил сию урну в ящик со всею осторожностью и привёз бы оную с собою в С-Петербург» [там же, л. 6]. Для поездки был назначен титулярный советник Рыбин, которому было решено выдать «придворную рессорную коляску, в которой бы с удобностию можно было везти означенную урну» [там же, л. 6 об.]. Разумеется, всё было исполнено в соответствии с монаршей волей.

Забота о порядке доставки керченских древностей в С-Петербург была делом отнюдь не праздным, и из Керчи в столицу регулярно шли депеши с обозначением того, что и как будет доставлено. В подтверждение этого приведу один пример, относящийся к 1853-54 гг. Тогда министру уделов Л.А. Перовскому было сообщено, что новая партия находок направлена в столицу «на почтовых лошадях в двенадцати ящиках, уложенных в двух экипажах, тарантасе и фургоне, при двух таможенных досмотрителях, которым дана для следования с сими вещами подробная инструкция».

К этому было добавлено, что «означенным рядовым <досмотрителям> приказано по прибытию в Москву перенести ящики с древностями из экипажей в вагоны железной дороги и следовать с ними в С-Петербург» [РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 1]. Поскольку обратные прогоны экипажей из Москвы до Керчи были дороги, то было решено их продать, а вырученные таким образом деньги отправить керченскому градоначальнику. В общем, таким образом для казны было спасено 28 рублей серебром [там же, л. 119].

Среди важных археологических открытий 30-х гг. XIX в. под Керчью следует назвать некрополь у Карантинного шоссе, в некоторых могилах которого были найдены великолепные образцы античного столового серебра III в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 73–75, рис. 23, Б; Тункина, 2010; Трейстер, 2010]. Эти замечательные находки незамедлительно поступали в Эрмитаж, при этом сам Николай I требовал, чтобы «все сии вещи прислать в С-Петербург, уложив оные бережно» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 31, л. 14]. В другой официальной бумаге говорится, что император повелевает прислать новые находки, «уложив их со всевозможною аккуратностию, дабы в дороге они не могли повредиться» [там же, л. 42 об.].

Спорить с императором, разумеется, не было никакой возможности, но, тем не менее, в Керчи пытались выразить некоторое несогласие с практикой изъятия из музея всех лучших находок. В этом отношении укажу на письмо от новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, направленное министру внутренних дел Д.Н.Блудову 8 декабря 1834 г. В нём, в частности, говорится [там же, л. 22 об. – 23]:

«Если Государю Императору угодно будет повелеть доставить некоторые вещи в С-Петербург, то покорнейше прошу Ваше Превосходительство испросить Высочайшее его Величество разрешение касательно отправления их в столицу, так как керченский градоначальник не имеет к тому способов; равномерно (т.е. равным образом – Ю.В.) я представляю на Ваше, Милостивый Государь, усмотрение просьбу г. градоначальника об исходатайствовании соизволения Его Величества, *дабы один из найденных Карейшею золотых венков, более повреждённый, – был оставлен в Керченском музее для украшения скудной его коллекции*»².

Трудно сказать, была ли выполнена просьба керченского градоначальника. Документов по этому поводу не имеется, но, скорее всего, в ней было отказано.

Среди комплексов Карантинного шоссе особый интерес привлекает погребение воина, очевидно, наёмника, открытое в 1834 г. [Виноградов, 1997; Алексинский, 2008]. Помимо серебряной посуды, в нём был найден железный меч типа махайра, железный шлем с серебряными украшениями, бронзовый щит, бронзовое зеркало и пр. Разумеется, в С-Петербург сразу были высланы все драгоценные предметы, а из прочих – только меч. В столице это вызвало большое недовольство, и даже президент Императорской академии художеств А.Н. Оленин требовал от Д.Н. Блудова «прика-

² Место, выделенное курсивом, в источнике подчёркнуто карандашом.

зять произвести <...> доставку <всех вещей> сколь возможно поспешно, бережно и осторожно» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 31, л. 82]. В ответе из Керчи указывалось на невозможность «доставки в С-Петербург шлема, щита и медальона (бронзового зеркала с крышкой – Ю.В.), ибо при таковой пересылке (на перекладных – Ю.В.) они бы уничтожились в пути и совершенно потерялись бы для науки» (там же, л. 90). В этом ответе, разумеется, был свой резон, но, несмотря на это, почти все названные предметы, кроме бронзового щита, были доставлены в столицу. Справедливости ради следует отметить, что все они до сих пор хранятся в Государственном Эрмитаже, а вот оставленный в Керчи бронзовый щит действительно был утерян для науки.

В 1836 г. Д.В. Карейша при раскопках кургана в саду П. Дюбрюкса обнаружил замечательный сосуд – большой лекиф афинского мастера Ксенофанта. В 1837 г. Керчь посетил император Николай I, тогда, наряду с другими боспорским древностями, «на Высочайшее усмотрение» был представлен и лекиф. Император высоко оценил эту вазу, заявив, что подобной не видел ни в одном из европейских музеев (Виноградов, 2007, с. 10). Лекиф Ксенофанта, естественно, был отправлен в Императорский Эрмитаж, где стал одним из украшений экспозиции [см.: Передольская, 1945; Скржинская, 1999; Виноградов, 2006, 2007].

В высшей степени любопытное открытие было сделано директором Керченского музея А.Б. Ашиком в районе Глиница в 1837 г. В огромном кургане был обнаружен мраморный саркофаг, «наполненный множеством золотых и серебряных вещей на значительную сумму по внутренней ценности, не говоря уже об относительной стоимости этой находки» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, л. 18). Это была гробница со знаменитой золотой маской, споры о которой не утихают до сих пор (см.: Бутягин (ред.), 2009). Для нас в этом отношении важно отметить, что сразу же было решено все вещи и саркофаг отправить в С-Петербург, но потом в Министерстве императорского двора это решение частично изменили и требовали «саркофаг прислать <...>, если он хорошей работы и хорошей сохранности» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, л. 26). Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М.С. Воронцов, получив разъяснения от керченского градоначальника, доложил по этому поводу в С-Петербург, что «1) мраморный саркофаг, хотя и хорошо сохранён, но не имеет ничего изящного и составляет одну лишь грубо обтёсанную тяжёлую массу, неудобную для перевозки, а потому <...> саркофаг посылать не следует; 2) что из числа драгоценных вещей, в нём открытых, есть весьма непрочные, как например, золотой венец, браслеты и проч., которые быв (будучи – Ю.В.) отправлены чрез почту, как бы ни были хорошо уложены, разломаются и потеряются для науки. Затем г. градоначальник ходатайствует, чтобы дозволено было вещи, неспособные к перевозке, оставить для Керченского музея, а прочие или же все вещи переслать в С-Петербург в рессорном экипаже с нарочным чиновником» (там же, л. 42).

Ждать нарочного чиновника не пришлось. Как уже было сказано, в 1837 г. Керчь посетил император Николай I, и он, увидев все эти вещи, приказал отправить их в Эрмитаж. В числе отправленных предметов, наряду с золотой маской, были также

золотой венец, браслеты и т.д. (там же, л. 45), некоторые из которых первоначально предполагалось оставить в Керченском музее. Министру внутренних дел 6 декабря 1837 г. было указано: «На будущее же время принять за правило – из вещей, найденных при разрытии курганов в двух экземплярах, один экземпляр оставлять для обогащения Керченского музея» (там же, л. 45 об. – 46). Это решение, принятое самим императором при ходатайстве генерал-адъютанта М.С. Воронцова (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 71, л. 7 об.; ф. 6, д. 179, л. 20), вероятно, по-своему было правильным, и его без труда можно было выполнить, если дело касалось двух чернолаковых ваз или двух одинаковых терракотовых статуэток, но второй куль-обинский сосуд (представим, что такая счастливая находка имела место!), как следует полагать, в Керчи не оставили бы ни при каких обстоятельствах.

В подтверждение этих слов приведу всего два примера. В 1839 г. при раскопках некрополя у Карантинного шоссе было найдено богатое женское погребение, в котором, в частности, находились два золотых перстня со вставкой в виде вырезанного из граната изображения Афины. Перстни отличались друг от друга лишь незначительными деталями (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 61, л. 11 об. – 12; Ашик, 1839, с. 76–77, рис. I, 3, 12; КБН, с. 108, табл. XV, 15). В С-Петербург поначалу был направлен один из них, но в 1853 г. для Эрмитажа был затребован и второй (см.: Максимова, 1955, с. 442, табл. I, 5; Соколов, 1973, с. 54, № 39; Неверов, 1988, с. 40–41, кат. 11–12), о чём подробнее будет сказано чуть ниже.

Теперь противоположный пример. В 1840 г. А.Б. Ашиком, наряду с прочими находками, были обнаружены две краснофигурные вазы. В С-Петербурге они вызвали определённый интерес, но керчь-еникальский градоначальник решил направить в столицу только одну вазу, а вторую, на которой была представлена сцена сражения аримаспа с грифоном, оставил в Керченском музее. Своё решение он мотивировал тем, что сосуд с подобной росписью уже был отправлен в Эрмитаж ранее, а «Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы двойные экземпляры с открываемых вещей оставляемы были в Керчи» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 71, л. 7). У нас нет архивных документов, указывающих на то, что эта ваза была затребована в С-Петербург, так что есть основания считать, что в отношении расписной керамики царский указ неукоснительно соблюдался.

Чрезвычайно любопытна также гробница в кургане, раскопанном тем же А.Б.Ашиком в 1838 г., который вошёл в научную литературу под названием «курган Ашика». В гробнице было обнаружено погребение воина с весьма показательным набором вооружения, в составе которого выделяются великолепно украшенные греческие поножи (Виноградов, 2004). Ещё более знаменит курган на землях Мирзы Кекуватского, раскопанный приблизительно в это же самое время Д.В. Карейшей. В нём был открыт монументальный каменный склеп с богатым погребением знатного воина, находки из которого, поступившие в Эрмитаж, стали хрестоматийно известными (Артамонов, 1966, с. 66; Виноградов, 2012а; Виноградов и др., 2012, с. 97–104).

В ряду случайных открытий, конечно, необходимо выделить находку боль-

шого мраморного саркофага, сделанную в 1834 г. в гробнице, высеченной в скале Мирмекийского акрополя (Саверкина, 1962; Виноградов, 2010б; Бутягин, Виноградов, 2016). Любопытно, что Николай I, осмотрев направленные ему рисунки этого саркофага, поначалу приказал «означенный саркофаг оставить в Керчи, а рисунки с оного и описание передать в Императорскую академию художеств» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 38, л. 14). Это решение, однако, было пересмотрено, и в 1851 г. замечательный памятник древнегреческого скульптурного искусства поступил в Эрмитаж (Саверкина, 1962, с. 247; Бутягин, Виноградов, 2016, с. 11–13). Мирмекийский саркофаг, можно считать, является самым лучшим произведением античного искусства такого рода не только среди находок, происходящих из Северного Причерноморья, но и всех поступивших тем или иным путём в собрание императорского музея.

Произведения античного прикладного искусства, найденные под Керчью, продолжали регулярно поступать в С-Петербург и позднее. К примеру, в 1848 г. в С-Петербург были направлены вещи, «которые по редкости своей заслуживают особого внимания и могут быть помещены в Императорский Эрмитаж» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 132, л. 1). На сей раз их доставил г-н Г.С. Кушников – директор девичьего института в Керчи, которые впоследствии получил название Кушниковского (о нём см.: Быковская, Небожаева, 2017, с. 210).

В истории открытия керченских древностей, как известно, имеются и весьма постыдные моменты, вызванные по большей мере пересечением честолюбий тогдашних археологов. В 1850 г. керченский мещанин М. Щербина сообщил в музей об обнаруженной им мраморной статуе, затем в этом месте была найдена и вторая скульптура (см.: Шкорпил, 1908; Бич, 1958). А.Б. Ашик попытался приписать это открытие себе, из-за чего впал в немилость у петербургского начальства и был уволен с поста директора Керченского музея (Петрова, 1997, с. 191; Тункина, 2002, с.301-302). Пара статуй, однако, была доставлена в Эрмитаж и стала украшением экспозиции, посвящённой монументальной скульптуре Северного Причерноморья (Кобылина, 1972, с. 12, табл. XXI; Соколов, 1973, с. 126–127, № 132-133).

Для развития российской археологии очень многое сделал министр внутренних дел Л.А. Перовский, которому наряду с прочим было поручено руководство археологическими исследованиями (о нём см.: Петрова, 1997; Тункина, 2002, с. 252–255). Им были составлены «Дополнительные правила для произведения археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», утверждённые 12 января 1852 г. Николаем I (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 179, л. 16–19). В интересующем нас аспекте эти правила требовали, чтобы список всех найденных при раскопках вещей направлялся в Министерство иностранных дел, где решался вопрос о том, «какие из открытых предметов должны быть отправлены в С-Петербург и какие должны оставаться в Керченском музее древностей, где к сохранению их в целости и порядке должны быть приняты все меры». Документ предусматривал и то, что «в случае открытия какого-либо особенно примечательного памятника древности, о сём в то же время должен быть уведомляем керчь-еникальский градоначальник, который обязывается немедленно извещать о том

Министерство внутренних дел для доведения до Высочайшего сведения». Этот документ позволяет в полной мере согласиться с мнением Л.А. Перовского, что Николай I «изволит обращать особое внимание на открываемые <...> босфорские древности, состоящие в мраморных изваяниях, надписях и тому подобного» (там же, л. 37).

По вопросу о передаче керченских древностей в другие музеи, прежде всего в Одесский, Л.А. Перовский придерживался весьма жёсткой линии. В своём письме от 20 апреля 1853 г. он указывал, что никакие предметы нельзя передавать в Одессу, пока он сам «не рассмотрит двойные экземпляры, в Керченском музее имеющие, дабы не передать в Одесский музей экземпляров лучших в сравнении с теми, которые уже находятся в музее Эрмитажа» (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 15, л. 57 об.). Если «лучшие экземпляры» имелись в Керченском музее, то их следовало обменять на аналогичные, но худшего качества из Эрмитажа (там же, л. 58). В августе 1852 г. Керчь посетил профессор Московского университета П.М. Леонтьев. Осмотрев собрание музея, он высказал просьбу передать часть находящихся в нём керамических и стеклянных предметов в университет, поскольку там ничего подобного не имелось (там же, л. 174 об.). Л.А. Перовский и тут был непреклонен – «распоряжение об этом не может быть сделано прежде, чем я сам буду в Керчи» (там же, л. 186). Чиновник явно стремился к тому, чтобы ни один сколько-нибудь стоящий древний предмет не прошёл мимо его внимания и, соответственно, мимо эрмитажного собрания.

Некоторые приобретения керченских древностей для Московского университета всё-таки были сделаны, но в отношении их Л.А. Перовский сделал К.Р. Бегичеву специальные указания в письме от 21 мая 1854 г. Он разрешал делать покупки, но указывал, что из них могут быть переданы в университет «только такие древности, которые, <...> не заключая в себе значительного интереса, не могут поступить в собрание Эрмитажа или Керченского музея» (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 132 об.).

В истории Эрмитажа очень многое связано с открытием Нового Эрмитажа. Строительство этого величественного здания было закончено в 1851 г. Все предназначенные для него коллекции были распределены по залам, а торжественное открытие прекрасного музея состоялось 5 февраля 1852 г. (Пиотровский, 1990, с. 66; 2000, с. 44; Коршунова, 1993, с. 60). В Новом Эрмитаже имелся специальный Кабинет керченских древностей, и туда были направлены последние ценные памятники, ещё находившиеся к тому времени в Керчи. Необходимые распоряжения по этому поводу были сделаны ещё 8 февраля 1851 г., когда император потребовал от А.Б. Ашика привезти в С-Петербург «некоторые керченские древности, назначенные в Новый Эрмитаж, как из тамошнего музея, так и из числа найденных в прошедшем году медицинским чиновником Арпа» (РО НА ИИМК РАН, Ф. 6., д. 157, л. 7)³. В числе этих древностей, можно считать, находился и упомянутый выше большой мирмекийский саркофаг.

После открытия Нового Эрмитажа изъятие лучших вещей из Керченского музея

³ Арпа – медицинский работник, проводивший раскопки под Керчью. О нём см.: Тункина, 2002, с. 295, 301.

не прекратилось. И здесь следует вернуться к находке двух золотых перстней с гранатовой вставкой в виде головы Афины, сделанной в 1839 г. в некрополе у Карантинного шоссе. Один из них, как уже говорилось, сразу после обнаружения был отправлен в С-Петербург, а второй остался в Керчи. Однако не прошло 15 лет, и в августе 1853 г. граф Л.А. Перовский направил новому директору Керченского музея А.Е. Люценко специальное послание, в котором говорилось: «До Государя Императора дошло, что в Керченском музее имеется большой перстень с изображением Минервы, лицо которой сделано рельефно из граната, а каска и другие украшения золотые. Так как Его Величеству угодно видеть сей перстень, то предписываю Вам доставить оный ко мне» (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 38, л. 1). А.Е. Люценко, естественно, незамедлительно отправил этот перстень в С-Петербург, а вместе с ним ещё один предмет, – найденный «вчерашний день (т.е. вчера – Ю.В.) в земляной гробнице на северной покатости горы Митридат в числе монист, составлявших ожерелье погребённой, небольшой сердоликовый камень с вырезанным на нём изображением, которое <...> заслуживает внимания» (там же, л. 3). Перстень был получен, и из Петербурга в Керчь по этому поводу сообщалось, что император, «находя сей аграф (т.е. перстень – Ю.В.) лучше того, который хранится в Музее Эрмитаж, повелеть соизволили поместить его в оный», а А.Е. Люценко предписывалось исключить этот предмет из списка древностей, имеющихся в Керченском музее (там же, л. 5). Стоит указать, что в «Древностях Боспора Киммерийского» обстоятельства изъятия перстня из Керченского музея описаны несколько иначе. Там о заинтересованности императора ничего не сказано, но отмечено, что всё было сделано по приказу Л.А.Перовского, «который, заметив в нём (втором перстне – Ю.В.) некоторую разность в изображении против первого кольца, нашёл неудобным разрознить их» (КБН, с. 108). Таким образом, в эрмитажное собрание попали два очень схожих между собой перстня, обнаруженных в одной керченской гробнице в 1839 г. Это мероприятие по прошествии более 140 лет вряд ли можно осуждать.

Нет сомнения, что А.Е. Люценко отправлял в С-Петербург лучшие из своих находок, а вещи качеством похуже решил оставлять в Керчи. Такое «самоуправство» не нашло понимания в столице, и в 1854 г. Л.А. Перовский потребовал от А.Е. Люценко, чтобы в С-Петербург были направлены все те вещи, которые тот предполагал сохранить в музее. В результате было прислано 34 предмета, осмотрев которые, Л.А.Перовский решил оставить для Эрмитажа только три: золотой браслет, «золотой оттиск монеты Евбиота или Евмела» и золотой оттиск с монеты императора Тиберия (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 55). После этого все остальные предметы были возвращены в Керчь, но А.Е. Люценко было строжайше указано, чтобы он принял за правило «на будущее время присылать <...> одновременно все открываемые золотые и серебряные вещи», означая при этом те, которые из них ему хотелось бы оставить для музея (там же, л. 55).

Практика таких «изъятий» вполне объясняет один исторический факт, на котором стоит остановиться особо. Дело в том, что когда Керчь была захвачена неприятелем

во время Крымской войны (май 1855 г.), то в Керченском музее не было обнаружено никаких особо ценных экспонатов. Английские газеты подняли тогда большой шум по поводу «похищения сокровищ Керченского музея» (Жиль, 2009, с. 264). На самом деле никакого похищения не было, а лучшие экспонаты уже с 1851 г. на вполне законном основании, разумеется, по меркам того времени (меркам международным, а не только императорской России), находились в Эрмитаже.

Надо признать, что в событиях Крымской войны керченские археологи проявили себя очень достойно (Виноградов, 2017б). Ещё в апреле 1854 г. многие экспонаты из музея были эвакуированы в г. Бердянск⁴. Туда же в марте 1855 г., т.е. буквально накануне захвата Керчи, были направлены находки, сделанные во время раскопок А.Е. Люценко в начале этого года (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 47, л. 33). Более того, даже в такой сложнейшей обстановке директор Керченского музея рапортовал Л.А. Перовскому, что другие вещи, «как например: глиняные статуэтки и некоторые сосуды, предназначенные мною для помещения в Императорском Эрмитаже и уже реставрированные, <...> будут представлены <...> в непродолжительном времени» (там же, л. 33 об.). Из числа находок 1855 г. в музее к 15 марта оставались лишь «несколько урн без рисунков и один большой стеклянный сосуд об одной ручке, наполненный какою-то прозрачной жидкостью с красноватым осадком на дне» (там же, л. 34 об.). В общем, ничего особенно ценного англичане и французы найти там никак не могли.

Незадолго до этих трагических событий многие из упомянутых выше памятников классического искусства, а также археологические контексты, из которых они происходят, стали доступны для специалистов и всех интересующихся историей и культурой античного Причерноморья благодаря публикации фундаментального труда «Древности Босфора Киммерийского» (СПб, 1854). Это издание не потеряло своего научного значения до наших дней.

Настало время сказать и то, что керченские древности поступали в Эрмитаж не только благодаря стараниям археологов, но и из случайных находок, сделанных керченскими жителями, а также порой из их грабительских раскопок. Летом 1831 г., т.е. на следующий год после открытия Куль-Обы, Министерством императорского двора было сделано одно очень важное распоряжение. Тогда греку Д. Бавро, способствовавшему возвращению некоторых похищенных из Куль-Обы ценных предметов (в том числе знаменитой золотой бляхи в виде фигуры оленя), было выплачено 1200 руб.

⁴ К.Р. Бегичев писал по этому поводу Л.А. Перовскому 24 апреля 1854 г., когда вражеские корабли уже появились около Такильского маяка: «По распоряжению г. градоначальника древние вещи, отобранные согласно секретного предписания Вашего Сиятельства от 23 февраля № 289, отправляются сегодня на пакет-ботном пароходе “Таганрог” в г. Бердянск, для хранения впредь до востребования в ведомстве Бердянской таможни. В числе отправляемых вещей заключаются почти все наши рисованные вазы; стеклянные, глиняные и другие мелочи наиболее замечательные и все без исключения золотые вещи. Также <будут вывезены> замечательнейшие из книг библиотеки музеума» (НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 137).

Одновременно указывалось на необходимость «объявить всем жителям Керчи, что ежели кто найдёт подобные сим вещи или какие-либо другие и представит оные начальству, то получит за сие должное вознаграждение; находимые же вещи присылать в С-Петербург» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 56).

Когда дело надзора за археологическими исследованиями в Российской империи было сосредоточено в руках графа Л.А. Перовского, то он большое внимание уделил не только организации раскопок, но и приобретению древних вещей от частных лиц. В октябре 1851 г. по его рекомендации упоминавшийся выше керченский мещанин М. Щербина был награждён серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на аннинской ленте, ему было также выдано 300 руб. серебром (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 180, л. 1).

В том же году Л.А. Перовский составил инструкцию «О порядке приобретения древних вещей, находимых около Керчи», состоящую из 9 пунктов (там же, л. 4–7; Виноградов, 2015). Для учёта всех необходимых действий, связанных с покупкой древностей у населения (кто и что сдал, кто принял, как вещь оценена владельцем, какую цену назначили в Петербурге, удовлетворила ли эта цена владельца и т.д.), керчь-еникальскому градоначальнику из Министерства внутренних дел была выслана специальная книга (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 180, л. 10–11). Предложенная тогда система покупок, надо признать, была довольно громоздкой, практика оценки древностей – произвольной, но она была одобрена императором, и в Керчь-Еникальском градоначальстве все сведения о предметах, предложенных для покупки в Эрмитаж, стали записываться в соответствующую книгу, а выписки из неё периодически направляться в С-Петербург.

После создания в 1859 г. Императорской археологической комиссии сложившаяся система, при которой лучшие произведения античного прикладного искусства, обнаруженные при раскопках на берегах Керченского пролива, непременно направлялись в Эрмитаж, продолжала своё успешное существование (см.: Виноградов, 2012б; 2019). В Положении об императорской археологической комиссии (§ 11) по этому поводу было сказано: «Замечательнейшие из вещей, открываемых комиссией или поступивших в неё, представляются на воззрение Государя Императора и, с соизволения Его Императорского Величества, помещаются в Императорский музей Эрмитаж или в другие Высочайше назначенные места» (Медведева и др, 2009, с.39). Весьма показательно в этом отношении, что этот год был ознаменован тем, что было заведено специальное дело «О доставке в Археологическую комиссию древних вещей, найденных близ Керчи в 1859 году» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1859 г., д. 21).

Раскопки по-прежнему были в основном направлены на поиски драгоценностей в курганных и грунтовых некрополях. Среди археологических памятников, исследованных в то время под Керчью, в первую очередь следует назвать некрополь Юз-Оба с прилегающими к нему курганными группами на двух мысах – Ак-Бурунском и Павловском (Виноградов и др., 2012). Этот памятник, ярко характеризующий своеобразие культуры боспорской аристократии IV в. до н.э., справедливо рассматрива-

ется как одна из жемчужин в мировом культурном наследии. Огромное научное значение имело изучение курганного некрополя Нимфея, в котором была открыта серия элитарных варварских погребений, свидетельствующих о тесных связях этого греческого города с местными племенами во второй половине V в. до н.э. (Силантьева, 1959). Чрезвычайно важные археологические комплексы были открыты также на Темир-горе (см.: Ростовцев, 1925, с. 395–396; Яковенко, 1972; 1977; Вахтина, 1991; Кузнецова, 2002).

В самой Керчи в 1894 г. директор Керченского музея К.Е. Думберг раскопал курган, получивший название «Львиный». В кургане была обнаружена большая мраморная скульптура льва (Виноградов, 2012, с. 225–226; Горончаровский, 2017), которая стала одним из украшений античной экспозиции Эрмитажа (см.: Максимова, Наливкина, 1955, с. 305, 307, рис. 16; Кобылина, 1972, с. 13, табл. XXIII; 1984, с. 213, 293, табл. СIII, 2; Соколов, 1973, с. 131, № 138). Таким же украшением является расписная гробница, обнаруженная в январе 1900 г. (Виноградов, 2012, с. 227) По поводу этого открытия К.Е. Думберг телеграфировал председателю Императорской археологической комиссии А.А. Бобринскому (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1900 г., д. 5, л. 6.): «Найден саркофаг весом 120 пудов, украшенный многими интересными фресками. Уникум заслуживает Эрмитажа. Если исходатайствуете даровой паровоз прямым сообщением Керчь – Петербург, привезу»⁵.

Этот саркофаг, на котором, помимо других изображений, представлен художник-живописец за работой, естественно, был доставлен в С-Петербург. Он по достоинству оценивается как один из важнейших памятников для изучения боспорской живописи (Ростовцев, 1913–1914, с. 376–389; Гайдукевич, 1949, с. 307–401; Ернштедт, 1955, с. 269–270; Соколов, 1973, с. 109–111, № 113–115; Виноградов, 2021).

Вообще же история изучения боспорских расписных склепов – особый и в высшей степени важный сюжет. Разумеется, специалистов волновал вопрос сохранения этих бесценных росписей. Кардинальный выход из непростой ситуации был предложен В.В. Стасовым, который в письме С.Г. Строганову от 17 мая 1873 г. предлагал «выпилить эти фрески с частью стены или камня, на котором они написаны, и перевезти их сюда (т.е. в Петербург – Ю.В.)» (Кукина, 2017, с. 35). Такое предложение не нашло поддержки, но теперь, по прошествии полутора веков, порой представляется, что этим путём при соблюдении всех возможных предосторожностей можно было перевезти и поместить в экспозиции Эрмитажа росписи, по крайней мере, одного (Стасовского) склепа. Все эти рассуждения, однако, не имеют никакого значения.

В ряду археологических открытий начала XX в. следует особо выделить некрополь на Госпитальной улице. Его изучение является очень большой заслугой дирек-

⁵ Необходимо отметить, что К.Е. Думберг признавал систему распределения археологических находок между Керченским музеем и Императорским Эрмитажем несовершенной. По его словам, она лишает обитателей Керчи возможности «гордиться своим музеем и хранящимися в нём ценностями» (Виноградов, 2012, с. 203).

тора Керченского музея В.В. Шкорпила (Виноградов, 2012, с. 288-289). Материалы из этого некрополя, хранящиеся сейчас в Государственном Эрмитаже, являются по-настоящему бесценными для изучения культуры Боспора в период поздней Античности (Засецкая, 1979; 1990).

Богатство находок, сделанных под Керчью, с годами по понятным причинам уменьшалось, но раскопки боспорских некрополей продолжались с завидной целеустремлённостью. Надо признать, что император Николай II, следуя сложившейся традиции, уделял археологии большое внимание⁶. Показательно, что археологические находки из Керчи регулярно отправлялись в С-Петербург даже тогда, когда разразилась мировая война и масштаб раскопок в Керчи сильно сократился (см.: РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1917 г., д. 4, л. 6, л. 11).

В Эрмитаж поступали также произведения античного искусства, приобретённые у керченских коллекционеров и торговцев боспорскими древностями (Боровкова, 1999, с. 74–79; Неверов, 1999). В их числе следует назвать Е.Р. Запорожского⁷ и И.А. Терлецкого⁸. Важное значение имела покупка собрания древностей, принадлежавшего А.В. Новикову (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1903 г., д. 277).

Без всякого преувеличения можно признать, что Эрмитаж за сравнительно небольшой срок (всего несколько десятилетий) стал обладателем коллекций боспорских древностей, являющихся в своём роде уникальными и в высшей степени важными для изучения классической культуры Северного Причерноморья. Надо признать, что тогда же была надлежащим образом осмыслена самоценность данного собрания и необходимость его сохранения для грядущих поколений. Эту мысль очень хорошо выразил директор Эрмитажа С.А. Геденов, писавший министру Императорского двора 28 октября 1865 г. по поводу предположения о передаче эрмитажных дублетов в Одесский музей: «<...> здесь, где дело идёт о единственной в мире коллекции древностей Киммерийского Боспора, Эрмитаж почитает неприкосновенность её жизненным для себя вопросом, себя же, в той мере, какая подлежит влиянию его, ответственным в этой неприкосновенности перед всей Россией. Каждый из предметов, входящих в состав керченских древностей, принадлежит как часть одного целого той или другой знаменитой и в археологическом мире всеизвестной находке. От охранения в ненарушимой целостности даже ничтожнейших к таким находкам относящихся мелочей зависит и самое значение Императорского музея, как единственного обладателя единственным на свете сокровищем» (цит. по: Пиотровский, 1990, с. 225).

⁶ Председатель Археологической комиссии А.А. Бобринский в своём дневнике записал 13 марта 1911г.: «Сегодня я и члены Археологической комиссии представляли государю в Царскосельском Александровском дворце добытые в течение года предметы старины. Государь был очень внимателен и любезен. <...> Многим интересовался и высказывал знание по многим отраслям нашей археологии» (Дневник, 1928, с. 148).

⁷ О покупке у Е.Р. Запорожского серебряного блюда см.: РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 21.

⁸ У А.И. Терлецкого, к примеру, были приобретены меч в золотой оправе (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1902г., д. 157), краснофигурная ваза (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1914 г., д. 4, . 16) и др. вещи.

Следует отметить, что несколько позднее Императорская археологическая комиссия стала направлять некоторые находки, обнаруженные во время раскопок на Боспоре, в различные музеи страны. К примеру, первые материалы античных коллекций Исторического музея (г. Москва) поступили туда из Императорской археологической комиссии. Это были материалы из раскопок А.А. Бобринского, К.Е. Думберга, Ю.А. Кулаковского и В.В. Шкорпила (Журавлёв, Фирсов, 2002, с. 17). Можно обратить внимание также, что в 1902 г. из Артиллерийского исторического музея в Археологическую комиссию поступила просьба передать туда из Керченского музея остатки бронзового шлема, бронзовые кнемиды и железные мечи (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1902 г., д. 32, л. 101). Археологическая комиссия была согласна передать только мечи, обещая увеличить их число при будущих раскопках (там же, л. 125). Правда, к Эрмитажу все эти «перераспределения» не имели никакого отношения.

Завершая краткий очерк о взаимоотношениях Керченского музея с Эрмитажем в императорское время, необходимо хотя бы в нескольких словах сказать о советском периоде. Тогда, как известно, приоритеты археологических исследований были смещены в сферу изучения культуры рядового населения древнегреческих государств, их экономической системы, которая, как представлялось, должна детерминировать все стороны политической, общественной и идеологической жизни общества. Работы археологов теперь нацеливались не на раскопки аристократических курганов, а на изучение поселений и грунтовых некрополей. С этой целью в Ленинграде была создана Боспорская (Керченская) экспедиция, приступившая к изучению «малых» городов Боспора. Отдельные находки из раскопок тех лет поступали в Государственный Эрмитаж вплоть до 1991 г. Их количество сильно различается по отдельным памятникам: городище Порфмий – 1 предмет, усадьба около Мирмекия – 10, некрополь Мирмекия – 78, городище Мирмекий – 3523, Илурат – 91, Нимфей (городище и некрополь) – 1999⁹. Как видим, по количеству находок, хранящихся в музее, Нимфей намного превосходит все остальные памятники. Такое положение объясняется тем, что на городище с 1939 г. работает экспедиция Государственного Эрмитажа (Худяк, 1962, с. 5; Борисковская (отв. ред.), 1999, с. 15). Среди выдающихся открытий, сделанных в Нимфее в последние советские годы, следует назвать святилище второй половины III в. до н.э. Стены этой постройки были покрыты цветной штукатуркой, на которой посетители святилища оставили многочисленные надписи, а также прочертили изображения различных животных и кораблей (Грач, 1984; 1987; Höckmann, 1999; Sokolova, 2007, p. 175–177). Мировую известность получило изображение корабля «Исида», которое сейчас является одним из украшений эрмитажной экспозиции, посвященной боспорским городам.

В заключение следует ещё раз констатировать, что благодаря трудам нескольких поколений археологов в Эрмитаже сформировалось уникальное собрание бо-

⁹ Благодарю за консультацию сотрудника Государственного Эрмитажа А.М. Бутягина.

спорских древностей. В данной статье основное внимание было уделено археологическим открытиям, сделанным в Восточном Крыму (Европейский Боспор), и то далеко не всем. В этом отношении необходимо хотя бы упомянуть о выдающихся памятниках Азиатского Боспора (Большая и Малая Близницы, Семибратние курганы, Артюховский курган, Ахтанизовский клад и др.). Таким великим культурным наследием, конечно, можно и нужно гордиться! Перед новым поколением археологов стоит задача не только бережного сохранения всех этих сокровищ, но всестороннего их изучения и полной публикации коллекций. Точнее, здесь надо говорить не о поколении, а о поколениях, поскольку одному поколению исследователей с этой грандиозной задачей никак не справиться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексинский Д.П.* Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи // ТГЭ. Т. 41. 2008. С. 31–70.
- Ашик А.Б.* О вновь найденных древностях близ Керчи // ЖМВД. 1839. № 1, январь. С. 60–90.
- Бич О.И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи // СА. 1958. Т. 28. С. 87–90.
- Борисковская С.П.* (отв. ред.) Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб, 1999.
- Боровкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Древности Керчи. 4. Керчь, 1999.
- Брашинский И.Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene. IV. 1965. С. 89–110.
- Бутягин А.М.* (ред.). Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб, 2009.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Мирмекийский саркофаг. СПб, 2016.
- Быковская Н.В., Небожаева Н.В.* И все учились // Керченская старина. Вып. I. Симферополь, 2017, с. 208–226.
- Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991. С. 3–11.
- Виноградов Ю.А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum + ПАВ. Петербург, Кишинёв, 1997. С. 73–80.
- Виноградов Ю.А.* О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А.А.Формозова. СПб, 2004. С. 49–56.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 2005. С. 211–296.
- Виноградов Ю.А.* О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. Вып. 13. 2006. С. 134–161.
- Виноградов Ю.А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб, 2007.
- Виноградов Ю.А.* Куль-Оба // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 420–425.
- Виноградов Ю.А.* Большой саркофаг из Мирмекия // Польш Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 458–462.
- Виноградов Ю.А.* Курганы на землях Мирзы Кекуватского // ДБ. Вып. 16. 2012. С. 39–50.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха императорской археологической комиссии (1859 – 1917). БИ. Вып. 27. Симферополь-Керчь, 2012.
- Виноградов Ю.А.* О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. Вып. 30. 2014. С. 171–189.

- Виноградов Ю.А.* Небольшой этюд по истории боспорской археологии: Л.А. Перовский о приобретении древностей у населения // БИ. Вып. 31. 2015. С. 396–404.
- Виноградов Ю.А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. Вып. 34. 2017. С. 112–223.
- Виноградов Ю.А.* Керченские археологи во время Крымской войны // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. СПб, 2017. С. 23–44.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. 2-е изд. СПб, 2019. С. 354–536.
- Виноградов Ю.А.* Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи // БИ. Вып. 42. 2021. С. 65–88.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь-Керчь, 2012.
- Власова Е.В.* Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. Т. III. М., 2010. С. 199–262.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949.
- Гёрсц К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М. 1876. Кузнецов В.Д. Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.
- Горончаровский В.А.* Дело о Львином кургане // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб, 2017. С. 111–129.
- Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88.
- Грач Н.Л.* Нова пам'ятка елліністичного часу з Німфею // Археологія. 1987. Вып. 57. С. 81–94. Дневник А.А. Бобринского (1910–1911 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 127–150.
- Ернштедт Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. I. М.-Л., 1955. С. 248–285.
- Жиль А.Ф.* Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик, 2009.
- Журавлёв Д.В., Фирсов К.Б.* Античные и скифо-сарматские коллекции в историческом музее // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Евксинского. М., 2002. С. 16–19.
- Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5–17.
- Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 97–106.
- Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- Калашиник Ю.П.* Петербург и античная археология // Санкт-Петербург и античность. СПб, 1993. С. 69–77.
- Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972.
- Кобылина М.М.* Скульптура // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 212–214.
- Коршунова М.Ф.* Императорский Эрмитаж // Санкт-Петербург и античность. СПб, 1993. С. 60–61.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010. С. 430–469.
- Кузнецова Т.М.* Загадки Темир-горы // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб, 2002. С. 79–90.

- Кукина Д.А. История открытия Стасовского склепа в Керчи // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб, 2017. С. 31–39.
- Максимова М.И. Резные камни // АГСП. I. М.–Л., 1955. С. 437–445.
- Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // АГСП. I. М.–Л., 1955. С. 297–324.
- Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 21–247.
- Неверов О.В. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1988.
- Неверов О.Я. Отдел античного мира. История собирательства // Эрмитаж. История и современность. СПб, 1990. С. 171–176 .
- Неверов О.Я. Коллекция А.В. Новикова // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы. Материалы Международной научной конференции. СПб, 1999. С. 58–60.
- Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // ТОАМ. Т. I. 1945. С. 47–67.
- Петрова М.М. Археология в жизни министра внутренних дел России А.А. Перовского // Археология Крыма. 1997. Т. I. С. 190–191
- Пиотровский Б.Б. Эрмитаж. История и коллекции. Бергамо, 1981.
- Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа // Эрмитаж. История и современность. СПб, 1990. С. 17–79.
- Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000.
- Розанова Н.П. Посвятительная надпись Санергу и Астаре // ВДИ. 1949. № 2. С. 86–93.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913–1914.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. (Л.), 1925.
- Саверкина И.И. Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ. Т. VII. 1962. С. 247–266. [Сансе Е.] Письмо графа де Сансе к А.Н. Оленину // ЗООИД. Т. 15. 1889. С. 78–86.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107.
- Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 121–130.
- Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973.
- Трейстер М.Ю. О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д.В. Карейши и А.Б. Ашика 1834–1835 гг. // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 589–601.
- Тункина И.В. Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб, 2000. С. 357–379.
- Тункина И.В. К истории открытия Н.Ю. Патиниоти в 1821 г. близ Керчи // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. СПб, 2001. С. 279–287.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIXв.). СПб, 2002.
- Тункина И.В. Раскопки Д.В. Карейши и А.Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835) // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 533–588.
- Тункина И.В., Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. Первое золото Фанагории: «браслет Ван дер Вейде» // Stratum plus. 2018. № 4. С. 371–383.

- Тункина И.В., Застрожная Е.Г., Шаров О.В. Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 4. М., 2018. С. 142–155.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962.
- Шкорпил В.В. Из архива Керченского музея древностей. III: О находке двух древних статуй в 1850 г. // ИТУАК. 1908. № 42. С. 56–63.
- Яковенко Э.В. Курган на Темир-горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.
- Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 140–145.
- Яковенко Э.В. Скифы Східного Криму в V–III вв. до н.э. Київ, 1974.
- Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 140–145.
- Blaramberg J. Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée. Paris, 1822.
- Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Russia, Tahtary and Turkey. Vol. II. London, 1816.
- Höckmann O. Naval and Others Graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1999. Vol. 5. 4. P. 303–356.
- Montpéroux de D. Voyage autour du Caucase chez les tcherkesses et les abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. V. Paris, 1843.
- Sokolova O. Fragment of a Wall with Polychrome Painting // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2017. P. 175–177.

REFERENCES

- Aleksinskiy D.P. Antichnyy zheleznyy shlem iz pogrebeniya voyna u Karantinnogo shosse bliz Kerchi. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Т. 41. 2008, pp. 31–70.
- Ashik A.B. О vnov' naydennykh drevnostyakh bliz Kerchi. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 1839. № 1, pp. 60–90.
- Bich O.I. Arkhivnyye dannye o statuyakh, naydennykh v Kerchi. *Sovetskaya arkheologiya*. 1958. Т. 28, pp. 87–90.
- Blaramberg J. *Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée*. Paris, 1822.
- Boriskovskaya S.P. (ed.) *Drevniy gorod Nimfey. Katalog vystavki*. St. Petersburg, 1999.
- Borovkova V.N. *Kolleksionery i trgovtsy kerchenskimi drevnostyami. Drevnosti Kerchi*. 4. Kerch', 1999.
- Brashinskiy I.B. Novye materialy k datirovke kurganov skifskoy plemennoy znati Severnogo Prichernomor'ya. *Eirene*. IV. 1965, pp. 89–110.
- Butyagin A.M. (ed.) *Tayna zolotoy maski. Katalog vystavki*. St. Petersburg, 2009.
- Butyagin A.M., Vinogradov YuA. *Mirmekiyskiy sarkofag*. St. Petersburg, 2016.
- Bykovskaya N.V., Nebozhayeva N.V. I vse uchilis'. *Kerchenskaya starina*. Т. I. Simferopol', 2017, pp. 208–226.
- Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Russia, Tahtary and Turkey. Vol. II. London, 1816.

- Dnevnik A.A. Bobrinskogo (1910–1911 gg.). *Krasnyy arkhiv*. 1928. T. 1 (26), pp. 127–150.
- Ernshtedt E.V. Monumental'naya zhivopis' Severnogo Prichernomor'ya (obshchiy obzor pamyatnikov zhivopisi). *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya*. I. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 248–285.
- Gaydukevich V.F. *Bosporskoye tsarstvo*. Moscow; Lenigrad, 1949.
- Gerts K. *Istoricheskiy obzor arkeologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiya do 1859 goda*. Moscow, 1876.
- Goroncharovskiy V.A. Delo o L'vinom kurgane. *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genuet'tsev*. St. Petersburg, 2017, pp. 111–129.
- Grach N.L. Otkrytiye novogo istoricheskogo istochnika v Nimfeye. *Vestnik drevney istorii*. 1984. № 1, pp. 81–88.
- Grach N.L. Nova pamyatka ellinistichnogo chasu z Himfeyu. *Arkheologiya*. 1987. T. 57, pp. 81–94.
- Höckmann O. Naval and Others Graffiti from Nymphaion. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1999. Vol. 5. 4, pp. 303–356.
- Ivanova A.P. *Skul'ptura i zhivopis' Bospora*. Kiyev, 1961.
- Kalashnik Yu.P. Peterburg i antichnaya arkheologiya. *Sankt-Peterburg i antichnost'*. St. Petersburg, 1993, pp. 69–77.
- Khudyak M.M. *Iz istorii Nimfeya VI–III vv. do n.e.* Leningrad, 1962.
- Kobyлина M.M. *Antichnaya skul'ptura Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1972.
- Kobyлина M.M. Skul'ptura. *Arkheologiya SSSR. Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1984, pp. 212–214.
- Korshunova M.F. Imperatorskiy Ermitazh // *Sankt-Peterburg i antichnost'*. St. Petersburg, 1993, pp. 60–61.
- Kukina D.A. Istoriya otkrytiya Stasovskogo sklepa v Kerchi. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii*. St. Petersburg, 2017, pp. 31–39.
- Kuznetsov V.D. Fanagoriya – stolitsa aziatskogo Bospora. *Antichnoye nasledie Kubani*. T. I. Moscow, 2010, pp. 430–469.
- Kuznetsova T.M. Zagadki Temir-Gory. Bosporskiy fenomen. Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Vol. 2. St. Petersburg, 2002, pp. 79–90.
- Maksimova M.I. Reznyye kamni. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya*. I. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 437–445.
- Maksimova M.I. *Artyukhovskiy kurgan*. Leningrad, 1979.
- Maksimova M.I., Nalivkina M.A. Skul'ptura. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya*. I. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 297–324.
- Marti Yu. Yu. Sto let *Kerchenskogo muzeya*. Kerch', 1926.
- Medvedeva M.V., Vseviyov L.M., Musin A.E., Tikhonov I.L. Ocherk istorii deyatel'nosti Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii v 1859–1917 gg. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya*. St. Petersburg, 2009, pp. 21–247.
- Montpéroux de D. *Voyage autour du Caucase chez les tcherkesses et les abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. T. V. Paris, 1843.
- Neverov O.Ya. *Antichnye kamei v sobranii Ermitazha*. Leningrad, 1988.
- Neverov O.Ya. Otdel antichnogo mira. Istoriya sobiratel'stva. *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'*. St. Petersburg, 1990, pp. 171–176.
- Neverov O.Ya. Kolleksiya A.V. Novikova. *Bosporskiy gorod Nimfey: novyye issledovaniya i*

- materialy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* St. Petersburg, 1999, pp. 58–60.
- Peredol'skaya A.A. Vazy Ksenofanta. *Trudy Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha.* T. I. 1945, pp. 47–67.
- Petrova M.M. Arkheologiya v zhizni ministra vnutrennikh del Rossii A.A. Perovskogo. *Arkheologiya Kryma.* 1997. T. I, pp. 190–191.
- Piotrovskiy B.B. *Ermitazh. Istoriya i kolleksii.* Bergamo, 1981.
- Piotrovskiy B.B. Istoriya Ermitazha. *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'.* St. Petersburg, 1990, pp. 17–79.
- Piotrovskiy B.B. *Istoriya Ermitazha. Kratkiy ocherk. Materialy i dokumenty.* Moscow, 2000.
- Rozanova N.P. Posvyatitel'naya nadpis' Sanergu i Astare. *Vestnik drevney istorii.* 1949. № 2, pp. 86–93.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii.* St. Petersburg, 1913–1914.
- Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor.* (Leningrad), 1925.
- Saverkina I.I. Mramornyy sarkofag iz Mirmekiya. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha.* T. 7. 1962, pp. 247–266.
- [Sanse Ye.] Pis'mo grafa de Sanse k A.N. Oleninu. *Zapiski Odschestva istorii i drevnostey.* T. 15. 1889, pp. 78–86.
- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeya drevnostey. III: O nakhodke dvukh drevnikh statuy v 1850 g. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii.* 1908. № 42, pp. 56–63.
- Silant'eva L.F. Nekropol' Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* 1959. № 69, pp. 5–107.
- Skrzhinskaya M.V. Afinskiy master Ksenofant. *Vestnik drevney istorii.* 1999. № 3, pp. 121–130.
- Sokolov G.I. *Antichnoye Prichernomor'ye. Pamyatniki arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi i prikladnogo iskusstva.* Leningrad, 1973.
- Sokolova O. Fragment of a Wall with Polychrome Painting. *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage.* Los Angeles, 2017. P. 175–177.
- Treyster M.Yu. O khronologii nekotorykh pogrebal'nykh kompleksov iz raskopok D.V. Kareyshi i A.B. Ashika 1834–1835 gg. *Pol' Dyubryuks. Sbornik sochineniy. T. I.* St. Petersburg, 2010, pp. 589–601.
- Tunkina I.V. Ivan Alekseyevich Stempkovskiy: Materialy k biografii. *SYSSITIA. Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreyeva.* St. Petersburg, 2000, pp. 357–379.
- Tunkina I.V. K istorii otkrytiya N.Yu. Patinioti v 1821 g. bliz Kerchi. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Vol. 2. St. Petersburg, 2001, pp. 279–287.
- Tunkina I.V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.).* St. Petersburg, 2002.
- Tunkina I.V. Raskopki D.V. Kareyshi i A.B. Ashika v Vostochnom Krymu (1831–1835). *Pol' Dyubryuks. Sbornik sochineniy.* T. I. St. Petersburg, 2010, pp. 533–588.
- Tunkina I.V., Zastrozhnova E.G., Sharov O.V. Pervoye zoloto Fanagorii: «braslet Van der Veyde». *Stratum plus.* 2018. № 4, pp. 371–383.
- Tunkina I.V., Zastrozhnova E.G., Sharov O.V. Zolotoy braslet G. Van der Veyde iz nekropolya Fanagorii. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. T. 7. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii.* T. 4. Moscow, 2018, pp. 142–155.
- Vakhtina M. Yu. «Skifskiy put'» v Prikuban'ye i nekotoryye drevnosti Kryma v epokhu arkhaiki. *Voprosy istorii i arkheologii Bospora.* Voronezh; Belgorod, 1991, pp. 3–11.

- Vinogradov Yu.A. O pogrebenii voina u Karantinnoho shosse pod Kerch'yu. *Stratum + PAV*. Peterburg; Kishinov, 1997, pp. 73–80.
- Vinogradov Yu.A. O tak nazyvayemom kurgane Ashika (1838 g.). *Nevskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik. K 75-letiyu A.A.Formozova*. St. Petersburg, 2004, pp. 49–56.
- Vinogradov Yu.A. Bospor Kimmeriyskiy. *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epokhu*. St. Petersburg, 2005, pp. 211–296.
- Vinogradov Yu.A. O smysle izobrazheniy na bol'shom lekife Ksenofanta. *Bosporskie issledovaniya*. T. 13. 2006, pp. 134–161.
- Vinogradov Yu.A. *Bol'shoy lekif Ksenofanta*. St. Petersburg, 2007.
- Vinogradov Yu.A. Kul'-Oba. *Pol' Dyubryuks. Sbornik sochineniy*. T. I. St. Petersburg, 2010, pp.420–425.
- Vinogradov Yu.A. Bol'shoy sarkofag iz Mirmekiya. *Pol' Dyubryuks. Sobraniye sochineniy*. T. I. St.-Petersburg, 2010, pp. 458–462.
- Vinogradov Yu.A. Kurgan na zemlyakh Mirzy Kekuvatskogo. *Drevnosti Bospora*. T. 16. 2012, pp.39–50.
- Vinogradov Yu.A. *Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (1859 – 1917)*. *Bosporskie issledovaniya*. T. 27. Simferopol'; Kerch', 2012.
- Vinogradov Yu.A. O sklepkh makedonskogo tipa na Bospore. *Bosporskie issledovaniya*. T. 30. 2014, pp. 171–189.
- Vinogradov Yu.A. Nebol'shoy etyud po istorii bosporskoy arkheologii: L.A. Perovskiy o priobretenii drevnostey u naseleniya. *Bosporskie issledovaniya*. T. 31. 2015, pp. 396–404.
- Vinogradov Yu.A. Kul'tura bosporskoy elity pri Spartokidakh. *Bosporskie issledovaniya*. T. 34. 2017, pp. 112–223.
- Vinogradov Yu.A. Kerchenskiye arkheologi vo vremya Krymskoy voyny. *Rossiyskiye arkheologi XIX – nachala XX v. i kurgannyye drevnosti evropeyskogo Bospora*. St. Petersburg, 2017, pp. 23–44.
- Vinogradov Yu.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izucheniye drevnostey Bospora Kimmeriyskogo. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy*. 2-ye izd. St. Petersburg, 2019, pp. 354–536.
- Vinogradov Yu.A. Raspisnoy sarkofag 1900 g. iz Kerchi. *Bosporskie issledovaniya*. T. 42. 2021, pp. 65–88.
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. *Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istoriya izucheniya i topografiya*. Simferopol'; Kerch', 2012.
- Vlasova E.V. Drevnosti ellinskiye i mestnyye. *Antichnoye naslediyе Kubani*. T. III. Moscow, 2010, pp. 199–262.
- Yakovenko E.V. Kurgan na Temir-Gore. *Sovetskaya arkheologiya*. 1972. № 3, pp. 259–267.
- Yakovenko E.V. *Skifi Skhidnogo Krimu v V–III vv. do n.e.* Kiiv, 1974.
- Yakovenko E.V. Pogrebeniye bogatoy skifyanki na Temir-Gore // *Skify m sarmaty*. Kiyev, 1977. S.140–145.
- Zasetskaya I.P. Bosporskiye sklepy gunnskoy epokhi kak khronologicheskii etalon dlya datirovki pamyatnikov vostochnoyevropeyskikh stepey. *Kratkie soobscheniya Instituta archeologii AN SSSR*. 1979. T. 158, pp. 5–17.
- Zasetskaya I.P. Otnositel'naya khronologiya skleпов pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo

bosporskogo nekropolya (konets IV – nachalo VII v.). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. T. 30. 1990, pp. 97–106.

Zhil' A.F. *Pis'ma o Kavkaze i Kryme*. Nal'chik, 2009.

Zhuravlov D.V., Firsov K.B. Antichnyye i skifo-sarmatskiye kollektsii v Istoricheskom muzeye. *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo*. Moscow, 2002, pp. 16–19.

Резюме

В истории российской археологии большое значение имели взаимоотношения Керченского музея с Императорским Эрмитажем. Лучшие находки, происходящие из раскопок на берегах Керченского пролива, передавались в Петербург. По существу работы археологов были направлены на получение произведений античного искусства. Результатом этой системы стало создание замечательного собрания древностей Боспора Киммерийского в Эрмитаже.

Ключевые слова: история археологии, Боспор Киммерийский, курганы, прикладное искусство, музейные собрания.

Summary

In the history of Russian archeology, the relationship between the Kerch Museum and the Imperial Hermitage was of great importance. The best finds from excavations on the shores of the Kerch Strait were transferred to St. Petersburg. The work of archaeologists was aimed mostly at obtaining works of ancient art. The result of this system was the creation of a remarkable collection of antiquities of the Cimmerian Bosphorus in the Hermitage.

Key words: history of archeology, Cimmerian Bosphorus, mounds, applied art, museum collections.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник
Института истории материальной
культуры РАН,
С-Петербург.
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher
of the Institute for the history
of Material Culture RAS,
St. Petersburg.
vincat2008@yandex.ru